

Все твои «беды» как летний снег: вот он есть, миг — и нет ничего, просто показалось... Не надо только все время тыкаться носом в прошлое или мечтать о том, каким могло бы стать будущее

*Макс Фрай.
Путешествие в Кеттари*

Бедняга Фрам дернулся во сне, заскулил тихо. Лиза оторвалась от книжки, глянула на него с тревогой — ну что, что для тебя еще сделать, дружок? За ухом почесать? Выдать шепотом волну жалостливой белиберды? Говорят, собаки эту волну даже во сне воспринимают... Особенно, когда болеют.

Опять заскулил... Жалко. Прислушаешься — ни дать ни взять человеческие страдания, когтями по сердцу скребут. Или страдания для всех бывают одинаковые? Все равно им, какое тело терзать?

Ага, вот ушами пошевелил, глаза тоскливые приоткрыл. Моргнул, чуть приподнял голову.

— Я здесь, Фрам... Я здесь, я никуда не ушла. Сижу вот, книжку читаю... Совершенно новая книжка Макса Фрая, представляешь? Мне Юкка дала... Ей мама книжки покупает, а она не читает, глупая. Вот, мне сплавила. Юкка вообще-то классная... Да ты ее знаешь, что я тебе рассказываю! Тебе ведь немного лучше, правда, Фрам? Ты долго спал...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Она привыкла разговаривать с ним, как с человеком. И не важно, что Фрам отвечать не умел. И не надо. Можно и монологами общаться, если приспичит. И вполне себе конструктивно...

Была, была для нее в этих монологах своя эгоистическая цель. Хотелось удостовериться, что в сложившихся обстоятельствах она способна на нормальные эмоции — добродушные, смешливые, жалостные, радостные. Человеческие, одним словом. А как иначе? Когда все время приходится оборону держать...

Фрам наклонил голову набок, вывалил язык, сияясь то ли прислушаться, то ли улыбнуться. Да, его улыбку она тоже себе придумала — ничего себе улыбочка получилась, оскал на всю пасть! В конце концов, должен же кто-то ей улыбаться в этом доме!

— Тебе бы сейчас теплого молочка попить, Фрамушка, я понимаю... Но подожди немного. Сейчас Наташка из кухни к себе в комнату свалит, я схожу и принесу. В нашем с мамой холодильнике есть молоко... Что? Ты думаешь, мама не разрешит взять для тебя молока? Нет, не волнуйся, она ничего не скажет... Ей все равно. Хотя ты прав, пожалуй. Было бы лучше, если бы она тоже в свою комнату ушла. Подождем, Фрамушка, ладно? Подождем...

Пес покорно положил голову на передние лапы, замер. Все понял, все услышал. Умница. Вернее, умник, — Фрам же все-таки мальчик!

Немного любви для бедной Лизы

Хотя по возрасту наверняка дедушка... Нет, нет, пусть он будет мальчиком. С мальчиком разговаривать веселее. Чего ж она будет — с дедушкой так фамильярничать? Нехорошо.

Прислушалась... Ага, из кухни слышен-таки Наташкин голос. Противный, высокий, с паузами-всплесками агрессивного хихиканья. Это она для мужа старается — изображает позитив семейной жизни. А маминого голоса не слышно... Хотя не факт, что мама в свою комнату ушла. Может, просто помалкивает, как обычно. И лицо у нее при этом угрюмо-вежливое, если можно так выразиться, то есть взять и соединить угрюмость и вежливость воедино. Казалось бы, нельзя соединить, но у мамы получается.

Да, все-таки странная сложилась у них в квартире психофизика. Вроде и присутствует семья какая-никакая, на первый взгляд самая что ни на есть обыкновенная — мать и две дочери, старшая и младшая. Дочери тоже обыкновенные, меж собою родные сестры. Старшая замужем, младшая только-только школу закончила, на пороге жизни стоит, если выразаться высоким штилем. А еще в таких случаях говорят — все пути для нее открыты, потому как надежный тыл есть — и мать есть, и старшая сестра. Сказочная ситуация, вполне благополучная, правда? Вышагивай, мол, юное создание по этим открытым путям, не хочу! Но это опять же только на первый взгляд неискушенный деталями и подробностями. Потому что,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

если вникать в детали и подробности, то никакой семьи тут и рядом не стояло. А вот коммуналкой явно пахнет! А что? Все признаки налицо... На кухне, например, два холодильника в ряд стоят — один Наташкин, другой их с мамой. И вся вечерняя жизнь вокруг холодильников да старой газовой плиты крутится. С вечера на кухне потусовались — и все, брейк! Быстро разбежались по своим комнатам, и чтоб ни гу-гу до утра! И утро тоже начинается с одинаково коммунального, произнесенного сквозь зубы — «здрась...». И это еще повезло, что квартира у них трехкомнатная, всем отдельно взятых территорий хватило, иначе бог знает, как пришлось бы устраиваться!

А вообще... Чего она опять разнюнилась жалостливым сарказмом? Ну да, коммуналка, и что? И всегда была коммуналка, сколько она себя помнит. Если не по форме, то по содержанию. Хотя в детстве и ей перепало немного из остатков уютной семейственности — в одной комнате была мамина спальня, в другой — Наташкина комната, а третья официально числилась гостиной. Вот там, в гостиной, и прошло ее детство. Спала на диване, играла на ковре, потом в углу, за ширмочкой, ее школьный стол притулился. И мама с Наташкой входили в гостиную всегда с одним и тем же вопросом — ну, что ты тут?!

Странный вопрос, конечно. Ну как, как на него можно ответить вразумительно? Да, вот она я! Тут я! Съежилась под вашей досадливой инто-

Немного любви для бедной Лизы

нацией, нахохлилась, накукожилась, но сдаваться не собираюсь! Фиг вам, понятно? Хотя и держусь из последних сил... Думаете, легко ребенку выжить в мамином угрюмом усталом равнодушии? Или в Наташкином злом раздражении, когда к вопросу еще и подстрочник фоном звучит — мол, что ты тут... навязалась на нашу голову?

Потом, когда Наташка замуж вышла, пришлось передислокацию произвести. Наташка с Толиком заняли большую гостиную, сразу замок в дверь врезали, а она со своим школьным столом, креслом-качалкой и старым диваном переехала в бывшую Наташкину комнату. Да, еще с компьютером, который бабушка купила! Допотопный компьютер — все, что осталось от бабушки... На свои «похоронные» накопления тогда бабушка покусилась, можно сказать, подвиг для внучки совершила. А после того, как бабушку похоронили, больше никто для нее подобных подвигов не совершал...

Бабушка, бабушка! Ой, лучше не вспоминать... Луч света в темном царстве, вот кто ты для меня была, бабушка! Если бы не ты, разве были бы у меня силы на эту стойкость, пусть нахохленную и скукоженную? Разве могла моя душа поднять флаги с начертанным на них девизом — «фиг вам»? Нет, конечно. Давно бы уж Наташка меня маслом по хлебу размазала и съела бы, утробно мурлыкая. Такая уж она по натуре уродилась — нюхом чует, кого бы съесть.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Вот и мужа своего Толика давно проглотила. Хотя, наверное, Наташке усилий особых не понадобилось — Толик и без того был размазней. Вялое существо в классических трениках. Рыхлое белое пузо, характерная лысинка, бледная и слегка влажная, как молодая картофелина. И обязательно вежливая улыбочка — здрасте, Лиза... До свидания, Лиза... А ваша собачка натоптала с улицы в коридоре, надо бы за ней подтереть... И где его Наташка откопала, интересно? Наверное, прямо на улице высмотрела жадным орлиным взором. Потом собралась, сконцентрировалась и хват — утащила в свою берлогу... А как иначе? Как мужа себе добывать, если у природы милостей все равно не выпросишь?

Матушка-природа, если честно, на Наташке сильно отдохнула. Палец о палец не ударила, на всю катушку расслабилась. Иногда, глядя на старшую сестру, Лиза ловила себя на препаскуднейших злорадных мыслишках — вот если бы у меня, к примеру, были такие слоновьи ноги... Или вот это место, которое должно называться талией... Или лицо, стекающее к подбородку зрелой грушей... Да я бы...

Слава богу, злорадные мыслишки таяли, не успев расцвести и оформиться во что-то более злобно определенное. Вернее, она сама им воли не давала. Еще чего... Сказано — фиг вам, значит, фиг вам.

Немного любви для бедной Лизы

В общем, свое отношение к Наташке она худо-бедно определила, научившись вовремя вставать в защитную стойку. А вот с мамой... С мамой было сложнее, да. Тут на препаскуднейших злорадных мыслишках и на борьбе с ними не выедешь. Мама — это другое... Мама — это детская обида и боль. Наверное, если спросить любого ребенка, что есть такое — мамино равнодушие и пустота в глазах, когда она смотрит на тебя и не видит тебя, а видит что-то другое, свое, внутренне горестное... Ребенок ничего и не ответит, а просто заплачет. Но ей, Лизе, даже плакать нельзя было. Нельзя было обозначать свое присутствие, потому что своим присутствием она очень мешала маме плавать в этом ее внутреннем горестном...

Нет, были причины, конечно же, и у мамино-го внутреннего горестного. И Лиза об этих причинах прекрасно знала. Впрочем, причина была одна, и называлась она — папа. Бросивший маму папа.

Лиза его плохо помнила. То есть как полноценного папу — совсем не помнила. Он ушел, когда ей было пять лет. А Наташке — пятнадцать. Начала его помнить с тех моментов, когда он стал приходить за ней по воскресеньям. Помнила мамину нервную суматоху, ее слезы, ее дрожащие пальцы, завязывающие розовые банты в жалких Лизиных косичках, потом папин звонок в дверь... А потом был длинный и нудный день, молчаливое гуля-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ние в парке, кафе-мороженое, дурацкие вопросы ради самих вопросов и папины ужасно виноватые, ужасно усталые глаза. И, как нелепое к ним приложение, бодренькая улыбка на прощание. Улыбка человека, выполнившего свой долг. И свободного, наконец. А ее ждала впереди мамина истерика...

— Лиза, что? Что, что он тебе говорил? Отвечай! Ты что, язык проглотила?

— Да ничего...

— О чем спрашивал?

— Мам, я не помню...

— Как, как ты можешь не помнить? Ведь о чем-то вы говорили? Он рассказывал тебе о другой тетеньке, да? О том, какая она красивая, добрая и хорошая? Или о том, что у тебя скоро родится брат или сестра? — спрашивала мама.

— Какие брат и сестра? Где? У кого? — тарасила она на мать испуганные глаза.

— Ты... Ты глупая, Лиза, или ты притворяешься? Ты специально, да? Ты хочешь, чтобы мама опять всю ночь плакала?

— Нет... Нет, я не хочу, мам...

— Все, хватит! Уйди с моих глаз долой! Видеть тебя не могу! Не могу... Не могу... Не могу-у-у...

Мама быстро шла в спальню, унося с собой истерическое рыдание. Хотя поначалу Лизе казалось, что это никакое не рыдание, а просто маме воздуху не хватает и она вдыхает его с жадностью, до икоты, и там, в спальне, откроет настежь окно и отдышится, и... И вернется в гостиную, и бу-

Немного любви для бедной Лизы

дет виновато улыбаться... Ведь она, Лиза, ни в чем, по сути, не виновата, ни капельки! Мама же сама все утро ей на голове дурацкие розовые банты вязала, сама на прогулку с папой отправила... И на нее же теперь сердится! Ведь не должно так быть... Она сейчас одумается и вернется...

Но мама не возвращалась. Поначалу из-за двери спальни слышались ее рыдания, потом наступала тревожная тишина, потом тишину прорывало хриплое тоскливое завывание, все нарастающее по высоте, по силе неистового звучания, и хотелось убежать от него подальше, спрятаться, сжаться в комочек, заткнуть уши...

— Слышишь, Лизка? Опять мама с катушек съехала... — заглядывала в гостиную Наташка, на ходу жуя бутерброд с маслом. Она все время что-то жевала и потому слова проговаривала невнятно, утирая тыльной стороной ладони губы и подбородок. — Теперь до утра с ума сходить будет... А все из-за тебя, Лизка, из-за тебя.

— Из-за меня?! Почему, Наташа? — спрашивала она осевшим от ужаса голосом и прижимала кулачки ко рту. — Почему — из-за меня? Я же ничего плохого не сделала... Я маму всегда слушаю, не капризничаю, я даже мороженого давно не просила...

— Да при чем тут мороженое, дурочка!

— Тогда почему?

— Да потому... Ты же с папой сегодня ходила гулять?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну да... Но мама же сама сказала — собирайся, за тобой папа придет.

— Не надо было ходить, Лизка.

— Почему?

— Не знаю... Маме бы, наверное, легче было, если бы ты заартачилась и не пошла. Я же, например, с папой никак не общаюсь... Он звонит, а я трубку бросаю. А что? Если маму бросил, значит, и меня бросил, а телефонных звонков да свиданий Христа ради мне не надо! Мама на меня ругается, а самой приятно, я же вижу... Она даже скрыть не может, как ей приятно, когда я трубку бросаю. Хотя... Кто его знает, как лучше! Я — это одно, а ты — это другое. Она ж тебя специально для этого и рожала, чтобы папа нас не бросал.

— Специально? А как это, Наташ?

— Ну, как бы тебе объяснить, глупая... Конечно, ты малявка еще, не поймешь... В общем, у нашего папы другая семья на стороне была. Тоже как бы женщина, но не законная жена. Понимаешь?

— Ну... Да...

— Ой, да ни черта ты не понимаешь! Мама папу очень любила, а сейчас еще больше любит, в этом все дело. И она не хотела, чтобы папа уходил... И потому тебя придумала. То есть ей пришлось тебя срочно рожать. И все равно не помогло! Та тетка, которая не жена, никуда ж не делась... Подумаешь, подождала еще пять лет... А мама, выходит, и без мужа осталась, и с лиш-

Немного любви для бедной Лизы

ним ребенком на руках. Куда теперь тебя девать прикажешь? Можно, конечно, папе отдать, но мама не отдаст — назло... А ты говоришь — ни в чем не виновата! Виновата, Лизка, еще как виновата! Ну, чего сидишь, глаза вылупила? Ой, да ну тебя... Пойду, еще хлеба с маслом поем... Это у меня от стресса такой жор открылся, наверное...

Наташка ушла, а Лиза сидела, боясь дышать, прислушивалась к новому ощущению, которое поселилось внутри. Оно было ужасно — ощущение собственного досадного присутствия-недоумения. Почему-то очень хотелось сползти на пол, закатиться под диван и лежать там тихо-тихо, закрыв глаза и свернувшись клубочком. И даже уснуть... И чтоб не просыпаться никогда.

Правда, потом наваждение ушло. Лиза сглотнула слезы, сжала зубы, прищурила глаза — неправду Наташка говорит! Врет, все врёт! Она всегда врёт... Зачем, зачем она ей это рассказала? Да еще и с таким удовольствием? С таким же удовольствием, как жевала свой бутерброд...

Лиза содрогнулась — фу, чего это вдруг вспомнилось! Мало ли, что там было, в раннем детстве. Если ничего хорошего не было, зачем туда памятью возвращаться?

Приподнявшись в кресле, она снова прислушалась — да что ж такое, когда Наташка сегодня уgomонится, наконец? Шла бы скорее в свою комнату, весь вечер на кухне толчется! Или наплевать? Пойти, что ли, Фраму молока погреть?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Но ведь привяжется опять разлюбезная сеструха... Судя по визгливому хохотку, она сегодня в боевом настроении. А когда Наташка в боевом настроении, лучше от нее подальше держаться. И не от страха, а... Просто так надо. Сермяжный инстинкт самосохранения еще никто не отменял.

Да, Наташка, она такая. Она вообще умеет напасть нагло и неожиданно, с особым азартом, будто таракана тапком прихлопывает. И всматривается потом в тебя с одержимо злорадным торжеством, будто перед ней не младшая сестра, а он и есть, потенциальный тараканий трупик...

Наверное, для этого особый талант нужен. Талант, направленный на уничтожение. Поддашься — и конец тебе, как личности, и аплодисменты таланту... Да только фиг тебе, Наташка, слышишь? Фиг...

Эх, было бы куда уйти, она бы ушла. И жаль, что папа о ней не вспомнил, когда в другой город на жительство переезжал. Это она уж потом узнала, что он уехал... А с другой стороны — какие к нему претензии? Это ж мама захотела ее родить, как заложницу, а папе не особо и надо было. Заложников в счастливую жизнь не берут.

Нет, маму жалко, конечно. Видимо, она так и не смогла из себя избыть любовь к папе. Сначала плакала, истязалась горем, потом долго болела, лечилась... Но разве от любви можно вылечить? Весь и результат лечения — полное равнодушие к жизни, постоянная депрессия. И сейчас

Немного любви для бедной Лизы

не старая еще женщина, а выглядит как старуха. Плюс к тому вечный запах из ее комнаты — затхлой одежды и корвалола... И тяжкая угрюмость, и волосы неухоженные, и глаза пустые, уставшие. Ходит, как заведенная, по одному и тому же маршруту — из дома на работу, с работы — домой. Цель себе поставила — до пенсии дотянуть. Хотя, с другой стороны, какая-никакая, но цель. Уже хлеб... Но ведь и достала уже с этим «дотянуть», если честно. Как притча во языцах звучит, в печенках сидит! Заглянет, к примеру, в ее комнату со своим любимым вопросом — ну, что ты тут? — и обязательно при этом добавит — ох, Лиза, Лиза, мне бы до пенсии дотянуть... Или вдруг попытаться начнет — что, мол, у тебя в школе? И, не дождавшись ответов, опять свое — мне бы до пенсии дотянуть... Даже к обычной просьбе помыть полы в коридоре может эту присказку присобачить! Вот интересно, что это за звенья такие связующие — школа, мытье полов и «дотягивание» до пенсии, а? Логика где, интересно? А потом что? На пенсии-то? Другая жизнь начнется, прекрасная и счастливая?

Даже не верится, что мама когда-то была молодая и красивая. А она была очень красивая, судя по старым фотографиям. Какая-то вся... сияющая! Может, потому, что папу любила, оттого и сияла? Но неужели так сильно любила? Что, уже и пережить нельзя? Или... это другое что-то, к любви не имеющее никакого отношения?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Да уж, вопросы, вопросы... Наверное, ей, Лизе, не понять. Да и что она может понять в свои неполные восемнадцать? Не брать же за основу жалкий школьный опыт влюбленностей и девчачьих откровений о том, чего было и не было! Да и не любила она ни с кем откровенничать... Потому, может, и близких подруг нет. И вообще, она в школе была «гордой белой вороной, уткнувшей-ся носом в книжку, к тому же плохо одетой», как выразился однажды Сашка Пархоменко, остряк и отличник. Она тут же развернулась и ему в нос дала. Не хотела, само получилось. Из носа кровичка текла... Хорошо, что Сашке в голову не пришло пожаловаться, вообще-то он нормальный пацан был, в отличие от других...

Да, в школе она была изгоем, белой вороной. Еще с того времени, когда Светка Ильинская, самая модная и самая блондинистая девчонка в классе, объявила ей бойкот. Не в полном смысле бойкот, конечно, а так, насмешливое отторжение. И другие девчонки с угодливым старанием подхватили:

— Новоселова, ты в этой юбке до десятого класса ходить будешь? Пока дырки не протрешь? Бедная, бедная Лиза...

— Новоселова, а эти брючки тебе мама дала поносить, ага?

— Ой, ее мама, наверное, с юности их сохранила...

— ...С нафталином вместо духов!

Немного любви для бедной Лизы

Лиза огрызалась поначалу, потом перестала. Делала вид, будто не слышит. Зачем тратить себя, все равно им ничего не докажешь! Столько душевных сил и слез уходит в пустоту... Лучше другим делом заняться, более спокойным и увлекательным. Чтением, например. Да, отличное занятие, увлекает и отвлекает одновременно!

Лиза так увлеклась и отвлеклась, что читать стала запоем. Поначалу все подряд поглощала, потом появились и свои вкусовые пристрастия. Так и ходила, провалившись в очередное книжное «пристрастие», перекаtywала его внутри, как ароматную карамельку на языке. После школы неслась домой, чтобы поскорее ухватиться за книгу...

Девчонки в школе больше так явно не нападали, но и тональность насмешливого отторжения никуда не делась. Да и бог с ней, с тональностью. Ничего, жить можно, если привыкнуть. Зато она училась хорошо, лучше своих обидчиц. И чувствовала в душе что-то вроде злорадства, когда одна из класса получала пятерку за контрольную работу. Правда, очередную пятерку ей не простили, напали в туалете стайкой, которую возглавляла все та же Светка Ильинская. Стояла в стороне, рассматривая модный маникюр, ухмылялась. Потом подняла на нее глаза, бросила со злым сарказмом:

— Я надеюсь, Новоселова, ты не вообразила себя самой умной в классе? Чего ты выступаешь, а? Твое дело — за печкой сидеть! Таким, как ты,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

нельзя высовываться, надо свое место в жизни правильно понимать.

Обидные слова, конечно. Но она тоже в долгу не осталась, бросилась к Светке через месиво рук, ухватилась за тонкую ткань модной блузки, рванула... Светка сначала замерла в ужасе, потом завопила:

— Ты что наделала, идиотка? Ты знаешь, сколько эта вещь стоит? Да твоей матери тремя зарплатами не рассчитаться!

Потом Ирина Сергеевна, их классный руководитель, вызвала маму в школу. А чего ее вызывать? Да хоть в рупор кричи, хоть по радио объявляй, все равно бесполезно. Лицом сморщится, пальцы к вискам прижмет, потом с раздражением отмахнется... Отстань от меня, мол...

Ирина Сергеевна не отступилась, пришла к Лизе домой, как та гора к Магомету. И сразу потребовала маму — поговорить. Проходя мимо приоткрытой двери маминой комнаты, Лиза слышала обрывки того разговора. Шла из своей комнаты на кухню, услышала одно:

— ...Девочка очень замкнутая, ни с кем в классе не дружит... Мне бы хотелось понять причины такой асоциальности...

А когда шла из кухни обратно в комнату, услышала другое:

— Да, девочки в классе одеваются очень модно, у них это составляющая особенного соревнования, что ли... Такая сложилась парадигма

Немного любви для бедной Лизы

школьных взаимоотношений, ее приказом не отменишь. Но ведь есть же выход... Есть, например, вполне демократичные магазины, где продается модная подростковая одежда. У меня у самой дочь, и я как-то выхожу из положения, хотя зарплатой тоже похвастаться не могу... А что делать прикажете? Такая нынче жизнь...

Потом, когда Ирина Сергеевна ушла, мама заглянула к Лизе в комнату, встала в дверях, плотно сомкнув руки под грудью:

— Что это такое, Лиза, а? Почему я должна все это безобразие выслушивать? Мне и без того плохо, ты еще тут!..

И ушла, изо всех сил саданув дверью. Лиза вздрогнула от неожиданности и с трудом смогла сдержать слезы. Но она не заплакала. Нет, слезы она наружу не пустила — еще чего. Слава богу, научилась этому нехитрому упражнению. Да и лекарство успокоительное всегда под рукой — книжка. Уткнулась в нее и забылась...

А чего не уткнуться, если там намного интереснее, чем в жизни? В того же Макса Фрая... Она так полюбила книги Макса Фрая! Даже собаку хотела Фраем назвать... Но не решилась — нехорошо как-то. Явное неуважение к писателю. Это уж потом, позже выяснилось, что нет никакого загадочного Макса Фрая, что это писательская придумка такая! Причем женская и очень талантливая! Но все равно — жаль... Жаль было Макса, ей-богу...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Бездомный пес привязался к Лизе на улице. Сидел на краю тротуара, увидел и пошел следом. Не ныл, не скулил, мордой в ладони не тыкался, даже в глаза не смотрел. Просто сидел и ждал, когда она из школы выйдет, провожал до подъезда. А утром провожал в школу... Ну сколько можно было вот так гулять? Все равно рано или поздно пришлось бы знакомиться... Кстати, он с виду не такой уж и бездомный был, с хорошим ошейником. И не дворняга какая-нибудь, а породистая овчарка. Однажды Лиза догадалась ошейник снять, а там записка — мятый бумажный шарик, прилепленный жвачкой. Развернула... Едва разобрала детские каракули печатными буквами — «кто найдет сабаку возьмите себе пажалуста мы с мамой поехали в другой город к другому папе он добрый...» Вот и пойми, про кого автор писал, что «он добрый»? Про собаку или про другого папу? Лучше бы имя пса написал...

Да, Фраем она постеснялась его назвать. Пришлось Фрамом. Тоже ничего... И не в имени, конечно, состояла основная проблема. Проблема была в том, как Фрама в дом протащить... Маме, конечно, все равно, а что скажет Наташка?

Но тут им с Фрамом несказанно повезло! Ой, как повезло, больше, чем известной собаке Шарикову! Потому что у Наташки в этот период происходила счастливая перемена в судьбе, способствующая временному улучшению настроения и даже некоторому Наташкиному благополу-

Немного любви для бедной Лизы

шую — к ней Толик аккурат посватался. И стали Наташка с мамой что-то вроде свадьбы собирать. Гости, застолье, цветы, то да се... И Фраму удалось проникнуть в дом на волне суеты, то есть зайти до поры до времени в Лизиной комнате. Потом Наташка опомнилась, конечно, да поздно было! Фрам успел свой коврик обжечь, новое место обнюхать и мало-мальски за себя постоять. То есть нарычал на Наташку тихо, но с предупреждением. Она, хоть и тоже рычала, но отступила. Не зря ведь поговорка есть, что пакостливые все трусливые!

Резкий стук в дверь заставил Лизу вздрогнуть. Как это она не услышала шаги по коридору? Задумалась...

— Лизка, открой! Чего закрываешься все время? Что ты там делаешь, Лизка?

Пришлось открыть. Наташка вошла — лицо злющее, в глазах война плещется. Понятно, сейчас наступление по всем фронтам начнется.

— Ну, что ты тут?... Зверюга не подох еще?

— С чего бы ему подыхать? Не дожدهшься. Подумаешь, приболел немного.

— Да какое там — приболел! Что я, не вижу? Он же старый, ему по возрасту положено подыхать. Считай, у нас почти год живет, а до нас неизвестно где и сколько.

— Не сочиняй, никакой он не старый.

— Да ему не меньше десяти лет! А если на человеческий возраст перевести, уже под семьдесят.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— С чего ты взяла? У него что, на лбу возраст написан?

— А ты не командуй, поняла? Не хватало еще, чтобы прямо в квартире собака издохла! Ты не одна тут живешь, между прочим. У Толика на собачью шерсть аллергия. Убирай собаку, я сказала!

— А я тебе говорю — выйди отсюда! Это моя комната.

— Ах-х, ты... Ах-х, ты!

— Прекратите ругаться, у меня голова раскалывается... — прошелестел в дверях тихий мамин голос. И вовремя. Потому что Наташке, кроме этого «ах, ты», ответить было нечего. Комната действительно была ее, Лизина. Законная. Одна треть доли в квартире. А против закона не попрешь. Вот так-то, дорогая сестрица.

— Наташ... Ну что ты на нее все время набрасываешься? Она ж сестра тебе... Пусть делает, что хочет! Главное, не надо шуметь... Пожалейте меня, мне бы до пенсии дотянуть...

— А что тут у вас? — показала в дверях лысая голова Толика. — О чем спор?

— Да я говорю, старый он, Толь... — протянула полную руку в сторону Фрама Наташка. — Поддох-нет скоро, говорю...

— Не, не поддохнет... — со знанием дела констатировал Толик. — Отсюда видно, что нос влажный, поживет еще. Чаю дашь, Наташ? Я се-ледки за ужином наелся...

Немного любви для бедной Лизы

— Ага, сейчас. Пойдем на кухню... Пусть она тут сидит, со своей зверюгой целуется. Ишь, как на меня смотрит... Еще и рычит, бессовестная...

— Кто рычит? Лиза?

— Да нет, зверюга...

Ушли. Лиза встала, подошла к Фраму, присела на корточки, глянула близко в глаза.

— Я тебя в обиду не дам, запомни. И не слушай их, они злые... А Наташка так вообще меня ненавидит...

Лиза и сама не заметила, как скатилась по щеке слеза, капнула Фраму на морду, пес слизнул сначала слезу, потом привстал на передних лапах, потянулся вперед с явным намерением облобызать Лизу горячим языком. Пришлось ей отстраниться — не потому, что ей Фрамовы лобзання не нравились, а просто жалости как таковой не хотелось. Опасная штука — жалость. Даже от собаки.

— Не надо, Фрам... Не надо меня жалеть! Знаешь, я вовсе на них не обижаюсь. Еще чего! Я вообще ни на что не обращаю внимания! Я даже привыкла... Погоди, как там я читала у Макса Фрая, сейчас вспомню! А, вот... «Когда с детства знаешь только один мир, поневоле будешь думать, что все происходящее — в порядке вещей...» Да, Фрамушка, я достаточно взрослый человек, чтобы позволить себе обижаться. У меня вообще детство рано кончилось, в десять лет... А чему ты удивляешься? Да, в десять лет! Когда бабушка умерла... Разве я тебе не рассказывала?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Лиза улыбнулась, оплела колени руками, привалилась спиной к стене. Она вообще любила эту позу — неудобно скукоженную, могла сидеть часами, глядя в одну точку. Казалось, именно так сохраняются внутри силы...

А с бабушкой раньше было хорошо. С бабушкой было не страшно. Бабушка была каменной стеной, ее даже Наташка побаивалась. И квартира в присутствии бабушки становилась уютным жильем, а не коммуналкой. Борщом пахло, пирогами, уютом... А еще бабушка ловко на машинке строчила, все могла сшить, и платье, и брюки, и даже куртку! Какие-никакие, а обновки, потому что денег порой даже на продукты не хватало. Откуда им было взяться, если мама подолгу в больнице лежала? Маме полагалось передачи носить, лекарства покупать...

Вообще, это была не совсем больница, и название у нее было очень интеллигентное — клиника неврозов. Хотя на деле — хуже больницы. Зайдешь внутрь и сразу сбежать хочется. А мама там и на три месяца, и на четыре, а иногда и на полгода застревала.

Вот в это время бабушка и приезжала, и устанавливала в квартире свои правильные порядки, и борщом пахло, и пирогами, и очень хорошо было! Помнится, она, Лиза, в несознательном еще малолетстве, думала иногда грешным делом — хоть бы мама поскорее в свою клинику неврозов ушла и бабушка бы приехала... Чтобы

Немного любви для бедной Лизы

суетилась туда-сюда по кухне, в фартуке, испачканном мукой, в платочке со смешным узелком на темени, сыпала горохом слов, будто бы с маленькой внучкой разговаривая, а на самом деле избывая наружу свой внутренний горько печальный монолог...

— Никогда, Лизка, с этой любовью не связывайся, слышишь? Беги от нее, как черт от лада-на... Видишь, чего она с бабами творит, любовь-то? Как она перекрутить может, наизнанку вывернуть?

— Ладно, бабушка, я не буду любить. Я не хочу, чтобы меня перекручивало и выворачивало.

— Вот-вот... И правильно, Лизка. А то что же... Как погляжу я на свою доченьку, то бишь на мамку твою, — вроде и живая баба, а на самом деле не живая... Разве ж это нормально, Лизка? А, да что говорить, только сердце себе рвать!.. И вы с Наташкой при живой матери, как сироты... Наташка еще туда-сюда, сама себе место выгрызет, а ты как будешь, ума не приложу! Мне бы тебя к себе забрать, да куда? В деревне школа-восемилетка, да и та на ладан дышит, вот-вот закроют. Да и старая я уже, Лизка... Помру в одночасье...

«Одночасье» подкралось так больно, как молотком по голове ударило. Позвонила бабушкина деревенская соседка, оповестила маму о бабушкиной кончине, и мама засуетилась со сборами, с грустными хлопотами... Нервно засуетилась, будто через силу, будто невмочь ей было. Мор-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

шила лоб, досадливо поджимала губы, трясла пальцами перед лицом, покрикивала на нее раздраженно. Да, Лизе на тот момент уже десять лет исполнилось... А Наташке — двадцать. Наташка уже здоровая кобыла была, медучилище заканчивала. Считалось, что вполне может за младшей сестрой присмотреть, когда мама в очередной раз в клинику неврозов ляжет.

Нет, никому не пожелаешь таких «присмотров»... Ох, как Наташка упивалась властью над ней, будто пробовала ее, эту власть, на вкус под разными приправами и соусами! То муштровать примется Лизу почему зря, то насмешничает, то унижает, как злой фельдфебель, то вообще несколько дней не замечает, живет, будто одна в квартире находится. Просто смотрит мимо, и все. А когда Лиза начинала привыкать к тому, что ее будто бы нет, вдруг нападала из-за спины неожиданно:

— Почему у тебя в комнате до ночи свет горит? Ты по квитанции за электроэнергию заплатила хоть копейку? Опять сидишь за компьютером?

Тут, главное, надо было не растеряться, собраться вовремя и обязательно ответить Наташке в той же тональности:

— Мой компьютер, хочу и сижу... Не твое дело!

А что еще можно ответить? Что она пока не может заплатить по квитанции за электроэнергию? Тем более что Наташка тоже не может... В медучилище ей даже стипендии не положено.

Немного любви для бедной Лизы

Это ж ясно, что Наташка наехала ради наезда. Что все это цветочки, ягодки впереди.

— Не мое дело, говоришь? А чье дело? Запомни, Лизка, ты здесь — никто. И твоего здесь ничего нет. Поняла?

— Нет! Не поняла! У меня есть своя доля в квартире, законная! Одна треть!

— Ну, ты и наглая... Вроде малолетка глупая, а надо же, как все просекла. Да если б нас в опеке не заставили на тебя долю оформить, когда мы с мамой квартиру бы приватизировали... Да, есть твоя доля, спорить не буду. Но больше тебе никто и ничем не обязан! Запомни это раз и навсегда! Мне, вон, маму придется на себе тащить бог знает сколько... Еще и ты на мою голову навязалась! Мне оно надо, а? Что я вам, стожильная?

От таких разговоров было еще одно спасение — музыка. Лиза надевала на голову наушники, врубала Manowar на полную катушку и отделяла тем самым орущую Наташку от себя. Очень было смешно смотреть, как та размахивает руками, пучит глаза и брызжет слюной. Получалась не орущая Наташка, а страшно карикатурный образ Эрика Адамса, который даже во сне ему, бедному, не привидится.

О, снова топает по коридору к ее комнате... Да что ей неймется сегодня? Наушники, что ли, надеть?

Лиза не успела. Но и Наташка на сей раз вошла тихо, даже с улыбкой, что само по себе было уди-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

вительно и весьма подозрительно. Села на тахту, опасливо покосившись в сторону Фрама.

— Лиз... Я с тобой серьезно поговорить хочу. Мама на кухне обмолвилась, что ты собираешься в институт документы подавать?

— Ну да, собираюсь, в наш политехнический. А что? У меня баллы хорошие, я поступлю.

— Да это понятно, что поступишь. Я ж не о том...

— А о чем?

— Ну... Ты сама подумай, кто тебя учить будет? Мама? Ей же до пенсии всего два года осталось... А потом? Конечно, ты мне возразить можешь — сама-то, мол, когда училась, на маминой шее сидела! Но, во-первых, я на высшее образование и не замахивалась, а во-вторых... Я — это я, а ты — это ты. И я хочу, чтобы в твоей голове четко отложилось... Чтобы не было всяких там эгоистических ожиданий... Подумай об этом серьезно, ладно?

— Хорошо, Наташ, я поняла. Я пойду вечерами работать, а днем буду на учебу ходить.

— Да много ты заработаешь — вечерами... Да и кто тебе эту работу припас? Нет, Лизка, боюсь я, сядешь ты на нашу с Толиком шею...

— Не сяду, не бойся. Могу и на вечернее отделение поступить, а днем работать.

— Да я вижу, как ты торопишься работу искать... Сидишь, книжки читаешь да с псиной возишься. И впрямь, иди-ка ты работай! Хочешь,

Немного любви для бедной Лизы

санитаркой в нашу больницу пристрою? Или на кухню судомойкой?

— Не надо. Я сама работу найду.

— Где? Кому ты нужна? Или думаешь, как увидят твою смазливую рожу и длинные ноги, так везде красную ковровую дорожку расстелят? Нет, дорогая, и не надейся! Одна тебе дорога — в судомойки!

— Отстань, а? Сказала же, сама найду!

— Ну-ну, поглядим... Ладно, спать пойду, поздно уже. С ума тут с вами сойдешь...

Подождав, когда стихнут в коридоре чавкающие звуки Наташкиных шлепанцев, она наклонилась к Фраму, произнесла тихо:

— Ты слышал? Да, вот такие дела, дружок... И куда бы нам с тобой пойти работать, а? Кто нам с тобой, как Наташка выразилась, эту работу припас? Ну, хотя бы курьером, что ли... А может, вообще отправимся в путешествие, как сэр Макс? Только чур, я буду сэром Максом... А из тебя получится классный сэр Шурф! Чего молчишь, а? Как тебе моя идея? Не нравится, да?

Фрам глянул на Лизу грустно, положил голову на передние лапы. Забавляйся, мол, как считаешь нужным, только не плачь. А я тебя завсегда подержу, я ж все понимаю... Мне без разницы, хоть горшком назови...

— Ну, что ж... Сэр Макс дал хороший отпор тирану, сэр Макс может спокойно дрыхнуть до утра... А ты выздоравливай, ладно? Только давай

ВЕРА КОЛОЧКОВА

на всякий случай договоримся, дружок... Если приспичит — буди! Буди, не стесняйся. Ты же знаешь, как я люблю гулять по ночам...

* * *

Странный она сон увидела. Жалобный. Не зря говорят, что ночью нам снятся те ощущения, которые днем старательно загоняем в угол, держим в себе, как пленников. Не позволила сама себя пожалеть, да? Что ж, получай! Она, проклятая жалость, в таком странном образе выскочит, что мало не покажется. Например, в образе вполне симпатичного дядьки, в красивом дорогом костюме, с проседью на висках... Лицо породистое, глаза умные, улыбка почти голливудская. Картинка, а не дядька. И что такое, откуда? В чередѣ знакомых даже близко такого дядьки не наблюдается... А главное, приставучий такой! Идет по пятам, протягивает руки, зовет... Иди, иди ко мне, бедная моя... Бедная Лиза...

Так жалостливо зовет, собака! А самое противное, что ей нравится. И хочется идти на зов его жалости, и припасть хочется, и поплакать в жилетку. Вот уже и дошла, и слезы приготовила... А припасть-то и некуда, черт побери. Был дядька, и нет его. Вокруг один плотный туман, теплый на ощупь, но неприятный. Хочется изо всей силы замахать руками, чтоб рассеялся, но, как часто бывает во сне, даже пальцем пошевелить не мо-

Немного любви для бедной Лизы

жешь. И стоишь, замерев, и отдаешься собственной безнадеге, и туман все гуще опутывает... И ладно, и пусть. Подумаешь, туман. Зато в нем тепло. Хоть и не видно ничего... Да и что, собственно, так уж надо разглядывать? Пусть, пусть...

А в тумане еще и звуки присутствуют, и чье-то прерывистое дыхание слышится. И стон... Или не стон? Станные, странные звуки... Ой! Что-то лица коснулось... Ой... Ой?!

Лиза села на постели, тяжело дыша и отмахиваясь. Господи, Фрам! Напугал! Это ж он скулит и повизгивает, и прерывисто дышит, и носом в лицо тычется!

— Да проснулась я, проснулась, отстань... На улицу хочешь, что ли? Приспичило? Ладно, пойдем, раз обещала... А что сейчас, утро? Погоди, на время гляну...

Дисплей на мобильнике высветил половину третьего ночи. Если выразиться относительно собачьего нахальства более-менее прилично, получится что-то вроде — ни фиги себе.

— Ну все, не скули... — прошептала Лиза, обращаясь к Фраму. — Сейчас пойдем, я быстро оденусь. А ты давай, неси поводок. Хотя — стой, не надо... Он же в прихожей... Мы до двери на цыпочках пойдем, понял? И чтоб ни звука! Представляешь, что будет, если Наташку разбудим? То-то... Вот выйдем на улицу, там и скули, сколько влезет!

Слава богу, выбрались на улицу благополучно. Фрам тут же присел на газоне, а Лиза оста-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

новилась рядом. Хорошо, что успела прихватить из прихожей газетку, думала она. Да, они с Фрамом культурные, они газоны не пачкают! Лишь бы потом разглядеть в темноте то самое, чем они газоны не пачкают, ловко в газетку подобрать и прогуляться к мусорному контейнеру... Та еще предстоит задача!

Через десять минут со всеми делами управились, и природа была на них не в обиде, и можно было идти досыпать с чистой совестью. Но сна, конечно же, ни в одном глазу... Тем более ночь поманила — пойдём! Смотри, как красиво, как хорошо! Небо в звездах, луна, тишина, запахи... Ветер шумит в кронах деревьев. И воздух чистый, ночной, которым никак не надышишься.

— Ну что, погуляем? — спросила Лиза у Фрама, и тот отозвался искренней собачьей радостью, с силой натянув поводок.

— Ого... Да ты, смотри, совсем очухался, дружок! Ладно, идем, до набережной пройдемся... Я тебя спущу с поводка, но ты далеко не убегай, хорошо? Держи меня в поле зрения! А то, знаешь ли, всяко бывает... Какой-нибудь придурок подумает, что я приключений ищу...

Отпустив Фрама, Лиза пошла переулком в сторону набережной, откуда лился в ночное небо свет фонарей. Да, там всегда светло, как-никак, самый центр города. Показушный центр, фешенебельный, чистенький. И, как это случается, наверное, в каждом городе, затаились в двух шагах

Немного любви для бедной Лизы

от центра лабиринты неухоженных переулков со старыми домами, толстостенными, кряжистыми, с архитектурным размахом по давним временам отстроенными, но растерявшими былую гордость перед наступающими небоскребами-чудищами из стекла и бетона. Именно в таком старом доме она и жила... Зато в центре, ясен пень, уж этой привилегии не отнимешь!

На набережной было светло, как днем. Стилизованные под старину фонари шпарили во всю мощь, река тихо плескалась внизу, закованная в бетон. Будто жаловалась. Река небольшая, бетон мощный. Наверное, в те времена, когда набережную сооружали, она была — река... А сейчас так, одно название. Последние силы на жалкие всплески уходят.

И все равно — хорошо здесь! Такой ветер вкусный...

— ...Да, пахнет свежими листьями и травой, — сказала Лиза сама себе, потянув носом. — В июне всегда самый нежный ночной запах!

Надо же, как неожиданно громко получилось, в тишине-то, будто собственный голос прозвенел нелепым, невесть откуда взявшимся колокольцем. Да, надо избавляться от этой пугающей привычки — разговаривать с самой собой. Старушечья же привычка, ей-богу! Это одиноким старушкам позволительно самим с собой разговаривать, но она ведь не старушка! И не одинокая... Какое тут может быть одиночество, если их в квартире

ВЕРА КОЛОЧКОВА

напихано, как селедок в бочке? Или... Или это хуже, чем одиночество?

Нет, лучше не думать... Тоже, бедная Лиза нашлась. Вот будешь думать, и накличешь себе судьбу пушкинской бедной Лизы! Или того хуже — карамзинской, хотя хрен редьки не слаще! Попадешься в лапы какому-нибудь Германну или Эрасту... А что, не зря же сон увиделся с дядькой, который в туман зазвал, а сам исчез! Может, это и был один из этих?..

— А вы не боитесь гулять в такое время, девушка? Совсем одна?

Мужской голос уперся в спину, как дуло пистолета. Лиза вздрогнула, будто ее поразила молния, и, не оборачиваясь, закричала, подзывая Фрама:

— Фра-а-а-м! Фрам, ко мне! Фра-а-а-м!

Пес выскочил откуда-то сбоку, она видела краем глаза, как он мчится по газону. Хотя, конечно, это громко сказано — мчится. Скорее, кандыбает из последних сил. Все свои собачьи скоростные резервы включил, бедняга, только бы не свалился на последнем вдохе от старания!

— Девушка, остановите собаку... Вы что? Я же не разбойник и не насильник, я тоже тут... Гуляю... Остановите собаку, слышите?

Ага, испугался! Лиза развернулась всем корпусом, глянула... Да, мужчина вполне себе ничего, на разбойника-насильника не похож. И перепуган вполне естественно, даже успел в стойку нелепую встать, лицо локтем прикрыл.

Немного любви для бедной Лизы

— Остановите собаку, ну же! Я не умею драться с собаками!

— Фрам, фу! Фрам, ко мне! Сидеть! Сидеть, Фрам!

Лиза едва успела ухватить Фрама за ошейник, да так, что пес зашелся хриплым рычанием и задрожал весь от яростного горячего напряжения, ожидая другой команды... Ах ты, умница мой, защитник!

— Сидеть, Фрам... Фу, я сказала!

— Ну все, все... — осторожно улыбнулся мужчина, на всякий случай отступая подальше от собаки. — Все вопросы сняты, дружище, прости, был не прав относительно твоей хозяйки... Я же без всякого подлого умысла, честное слово, мамой клянусь! Смотрю, девушка одна гуляет... А мне грустно, и очень поговорить хочется, все равно с кем. Ведь так бывает, правда, дружище? До зарезу хочется с кем-то поговорить...

А голос у него был хороший. Чуть ироничный голос уверенного в себе человека. И даже это дурацкое «мамой клянусь» выглядело вполне приемлемо, то есть легко вписывалось в контекст общей ироничной тональности. И одет он был просто — ветровка, джинсы, кроссовки. Просто, но дорого, потому что дороговизна тоже поневоле вписывалась в контекст. И сидела на нем вся эта простая дороговизна очень ловко, хотя и был он далеко не молод, по крайней мере, Лизе так показалось. Ну, что-то около полтинника... А может,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и больше. Не умела Лиза пока в мужском возрасте разбираться. Да и вообще... Какая разница? Пусть спасибо скажет, что ей вовремя удалось Фрама перехватить... А то неизвестно, какие бы перья полетели от его модной одежды, контекста и общей ироничной тональности!

Фрам успокоился, но держался-таки в опасливой боевой готовности. Мужчина тем временем продолжил:

— Да, с такой защитой девушке гулять не страшно, согласен... Но почему — ночью? Вам не спится, да?

— Почему же не спится? Как раз очень даже хорошо спится. Но иногда можно и ночью погулять, если приспичит. Вернее, Фраму приспичит.

— А, понятно. А я подумал, может, у вас тоже бессонница. Ну так что, побеседуете со мной, прекрасная незнакомка? Или мне с вашей чудесной собачкой продолжить разговор? Как вы его назвали? Фрам?

— Да, его зовут Фрам... Но разговаривать с ним я не советую, потому что поймет неправильно.

— Что ж, тогда вы со мной побеседуйте.

— И о чем же, интересно?

— Да так, ни о чем... О ночном ветре, о тающем времени, о луне... Или о звездах, к примеру... — Он запрокинул вверх лицо. — Я же не знаю ваших возможностей для беседы. Вдруг вам о звездах неинтересно?

Немного любви для бедной Лизы

— Не-а, не интересно. Я и в школе астрономию не любила.

— Ну, тогда просто прогуляйтесь со мной по набережной. Одному как-то совсем плохо.

— У вас что, депрессия?

— Нет, у меня бессонница. Это немного разные вещи. Когда бессонница, человек просто гуляет вместо сна, а когда депрессия, то он хотел бы гулять вместо сна, но даже и этого не может. Ну что, идем? Вы ведь тоже некоторым образом гуляете? И я даже подозреваю, что вы не прочь совместить приятное с полезным, то есть побеседовать с умным человеком.

— А вы, стало быть, умный человек?

— А почему столько сарказма в голосе? Я вам дал основания?

— Хорошо, можно без сарказма... Вы считаете себя умным человеком?

— Само собой разумеется. Разве вы еще не осознали, как вам повезло?

— Не-а. Не осознала. Я редко общаюсь с умными людьми, тем более по ночам. У меня опыта нет.

Он глянул на Лизу одобрительно, улыбнулся, будто протянул руку в свой «контекст общей ироничной тональности». И она вдруг в ответ улыбнулась, чего и сама от себя не ожидала... И впрямь, чего тут особенного, с умным дядькой вдоль набережной прогуляться? Не съест же он ее... А вот разговором в такой тональности

ВЕРА КОЛОЧКОВА

надолго насытиться можно! С кем она еще поговорит? С Наташкой? С мамой? Даже Юкка так не умеет...

— Ой... А как вас зовут? А то неловко как-то...

Я — Лиза. А вы?

— Да, конечно, давайте знакомиться. Меня зовут Анатолий...

— Как?... Анатолий?

— Ну да... А что вас так удивило?

«Черт, — подумала Лиза — и впрямь по-дурацки переспросила, с явным насмешливым разочарованием». И заспешила с объяснениями:

— Ой, извините, это я так... Просто меня случайная ассоциация с толку сбила. Дело в том, что мужа моей сестры зовут Анатолием... Толиком... Ну, имя такое, несколько нарицательное... Извините, не хотела обидеть!

— Хм... Наричательное, говорите? Надо же, никогда не задумывался. И не знал, что оно нарицательное.

— Ну как же! Всякая мужская умственно-физическая незатейливость имеет кодовое название «Толик»... Вы только не подумайте, что это я придумала! Это так вообще говорят...

— Что ж, спасибо на добром слове. Буду знать. Видите, как полезны ночные знакомства. Узнаешь о себе столько нового.

— Вы обиделись, да?

— Что вы, Лиза, ничуть...

— А отчество? Какое у вас отчество?

Немного любви для бедной Лизы

— А вот не скажу теперь. Вдруг оно тоже нарицательное? Да и вообще, не надо никакого отчества. Для ночной прогулки вполне хватит имен. А если вам не нравится Анатолий... Ну... Тогда я буду просто Анатоль! Как вам? Не слишком выпендречно?

— Анатоль? — рассмеялась Лиза, подтягивая на поводке Фрама. — Ну, это вы хватили вообще-то... Это уж совсем классика получается... А фамилия у вас не Курагин, нет?

— Ну, если бы вы вдруг оказались не Лизой, а Наташей Ростовой, то...

— То что?

— А что бы мне оставалось, по-вашему, делать? Завернул бы в соболью шубу и утащил бы, и тайно венчался!

— Нет, погодите... Он ведь у Толстого того... Не успел вроде. Его вовремя остановили.

— Боже, боже! Как приятно осознавать, что твоя юная собеседница читала «Войну и мир»! Такая редкость в наше некнижное время...

— Ой, да ладно! И в ваше время, я думаю, классику не сильно читали.

— Ну, не скажите...

— Пospорим?

— А что, давайте... Кто кому будет экзамен устраивать?

— Сначала я вам, потом вы мне!

— Начинайте, я готов...

Они так увлеклись нечаянной ночной беседой, что не заметили, как подкрался рассвет. Как озо-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

лотилось небо первым лучом солнца, как заиграл бликами синих стекол небоскреб на противоположной стороне набережной. Попавшаяся навстречу старуха с лохматой собачкой на поводке глянула им в лица подозрительно, будто хотела что-то сказать, но передумала, пошла дальше. И они замолчали вдруг, будто взгляд старухи их отрезвил...

— Интересно, почему люди в старости часто заводят собак? — задумчиво проговорил Анатолий.

— Да все просто... — ответила Лиза, не задумываясь. — Просто потому, что хотят любви, хотя бы собачьей... Или кошачьей, без разницы. Пусть немного, пусть хоть сто грамм.

— Не понял? А сто грамм любви — это много или мало?

— Кому как. Если сто грамм собачьей любви — это нормально, потому что ее человеческой любовью все равно не заменишь, как ни старайся.

— Как... Как вы сейчас это грустно сказали, Лиза! Если бы сами себя слышали, как грустно.

— Извините, я не хотела. Само собой получилось.

— А вы, Лиза... Вы кто вообще? Чем занимаетесь? Школьница? Студентка? Вы где-то в этих домах живете, да? — повел он рукой в сторону примыкающих к набережной переулков.

— Нет, я еще не студентка, я только-только школу закончила. А живу да, здесь... Через два

Немного любви для бедной Лизы

переулка... В старом доме с облезлой штукатуркой. Но зато в двух шагах от центра, не на задах, а поближе к нашей империи! А вы? Вы тоже где-то недалеко живете?

— Нет, я в гостинице... Вон в той высотке...

— Это что же, в «Континентале»?!

— Да, именно там.

— Круто... Значит, вы командировочный?

— Хм... Какое вы слово странное выкопали, доисторическое. Нет, я не командировочный, я приезжий. То есть по делам приехал, филиал здесь открываю.

— Вы бизнесмен?

— Да, жизнь заставила заниматься бизнесом, что ж поделаешь. А когда-то белым и пушистым гуманитарием был, на университетской кафедре преподавал...

— А филиал открываете... чего? Свечного заводика?

Анатолий тихо и с видимым удовольствием рассмеялся, откинув назад голову. Потом произнес так же тихо:

— Ох, уж эти мне начитанные десятиклассницы, что за прелесть, ей-богу...

— Я ж вам говорю, что школу окончила. И все-таки... Чего филиал-то? Или это коммерческая тайна?

— Да нет, почему... Я открываю очередной филиал нашей компании по производству полиэтиленовых труб.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— И много у вас филиалов?

— Много. Погодите, Лиза, мы сейчас не о том говорим...

— Так вроде наговорились, утро уже. Мне домой надо идти, и вам... К вашему очередному филиалу компании. Приятно было познакомиться, Анатоль. И приятно поговорить.

— Я вас провожу, Лиза.

— Нет, не надо, спасибо.

— Ну... Тогда хоть номер телефона оставьте. Я позвоню.

— Зачем?

— А мне понравилось с вами гулять. Вы такая славная. И ужасно, ужасно забавная. И беседовать с вами — чистой воды удовольствие. Тем более у меня бессонница... Ну, я вас убедил?

— Не-а. А вдруг вы все-таки маньяк?

— Ой, я вас умоляю! Да с такой собакой вам никакой маньяк не страшен! Так дадите телефон?

— Не дам. Я без телефона вышла, а номер наизусть не помню.

— Тогда запишите мой...

— А чем записать? Ручка у вас есть?

— Нет...

— Тогда чем? Кровью?

Вроде пошутила, но ее собеседник даже не улыбнулся. И вообще, видок у него в утреннем свете оказался еще тот... Лицо усталое, бледное, глаза красные от бессонницы. И совсем на бизнесмена не похож, тем более из «Континенталья».

Немного любви для бедной Лизы

Врет, наверное. А впрочем, какое ей дело, пусть врет! Все равно разговаривать с ним очень интересно! И что ей, жалко еще одну ночь по набережной погулять?

— Ладно, давайте мы без звонков обойдемся... А если у вас опять следующей ночью случится бессонница, приходите на набережную, и я тоже приду! Примерно в первом часу, ага?

— А не обманете, Лиза?

— Нет, зачем... Я никогда не обманываю.

— Так уж и никогда?

— Никогда!

— Что вы, Лиза... Таких людей в природе не существует, которые никогда не обманывают. Потому что жить и не обманывать просто не получается, как бы они ни хотели.

— Хм... Ладно, разоведем эту философскую тему на следующей прогулке. О, я вам такое поведаю о прелестях честной жизни, вы плакать будете! До встречи, Анатолий! Пока-пока!

— Да, я буду ждать, Лиза...

Прежде чем свернуть за угол, она оглянулась. Новый знакомый стоял, сунув руки в карманы ветровки, смотрел ей вслед. Улыбался...

Нет, правда, хороший дядька. Человеческий. И какое же это удовольствие — просто поговорить, не вставая в защитную стойку. И не важно, с кем. Пусть хоть с приезжим случайным дядькой.

— Пойдем домой, Фрам. Скоро наш серпентарий проснется, надо тихо-тихо в комнату про-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

шмыгнуть. Ну как тебе новый знакомый? Прикольный, правда? Да ладно, не ревнуй... Я ж заценила, как ты меня защищать бросился. Идем, идем быстрее! Сейчас досыпать завалимся, ага?

* * *

«Досыпание» затянулось до позднего утра. Наверное, если б Наташка не ворвалась в комнату, они бы с Фрамом и до обеда спали.

— О! Да она до сих пор дрыхнет, оказывается! Половина одиннадцатого! Выходит, мою вчерашнюю просьбу совсем не усвоила? Да что ты за человек, а? Говоришь, говоришь, а тебе что в лоб, что по лбу! Да уйми собаку, слышь? Чего она опять на меня рычит?

Лиза подняла голову от подушки, прохрипела сонно:

— А ты не ори с порога, она и не будет рычать...

— А ты мне будешь указывать, что надо делать, да?

— Хм... Поскольку заданный вопрос некорректен и не несет в себе никакой смысловой нагрузки, я беру на себя смелость его проигнорировать.

— Что? Что ты сказала? Это ты мне сейчас нахамила, да? Издеваешься, да? По-человечески разговаривать уже не умеешь?

— Ну, если по-человечески... Чего хотела-то?

Лиза села, откинула со лба густые волосы, потерла лицо ладонями.